

Евгения Симакова

Лицом к лицу

Быть в порядке

Мне бы кататься утром на ласковых лошадях
И не в замке жить, а в простой палатке,
Засыпать на траве — свежескошенных
простынях,
Просыпаться целой и быть в порядке,
Собирать не себя, а конструктор «Лего»,
И запомнить, что люди — не из кусочков.
Мне бы просто смотреть каждый день на небо,
А когда умываюсь — на небо в бочке,
И на камни в реке, и на ветер в листьях,
На свои же пальцы в своих же пальцах.
Если есть внутри солнце — найдутся кисти.
Мне бы мир весь обнять, когда все боятся.
Мне бы жизнь разобрать на любовь и строчки
В этой самой на свете простой палатке.
У меня есть и солнце, и небо в бочке —
И они помогают мне быть в порядке.

Бумажный кораблик

Мы часто так молчим о важном:
Всегда с холодной головой.
Кораблик соберу бумажный
И отпущу его домой.
Туда, где кофе варит мама,
Где запах нежности вокруг.
Туда, где мягкая пижама
И тёплые объятия рук.
А каждый вечер — смех и шутки.
Я ведь прошу совсем чуть-чуть:
Мне можно только на минутку
Прижаться к маме и заснуть?
Пока я сплю — давай о важном:
Кораблик станет кораблём,
И, взрослой став, сама однажды
Я в море уплыву на нём.
В свой личный путь. Одна. Без мамы.
Хотя... Она всегда со мной —
Как ветер в паруса тот самый
Мне помогает плыть домой.

Он не вышел меня провожать

Он не вышел меня провожать.

Тумбочка, стол, кровать.

Зачем мебель умирающим людям?

Он шутил: мол, мы все там будем,

И что рак — это не приговор.

А потом растворился, сгорел, ушёл.

А я тут стою и смерти смотрю в глаза:

Милая, отмотай назад? —

Туда, где мы вместе гуляем в парке

Или катаемся на иномарке,

Которую он так себе хотел.

Но, милая, не успел.

Я бы смотрела в зеркало заднего вида

И сама бы себе, сама бы себе завидовала.

Понимаешь, людям не хочется умирать.

Тумбочка, стол, кровать.

Это всё, что осталось после него в палате.

Мне этого ни за что не хватит.

Мне бы шутки его по утрам на ухо,

Но во рту неприятно сухо,

А рядом мягкая простыня,

Будто бы ночью он обнимал меня.

Милая, я знаю, он обнимал.

И я его очень хочу обнять.

Тумбочка, стол, кровать.

Он не вышел

Меня

Провожать.

Когда умирают птицы

Когда умирают птицы,
роня большие перья,
мне кажется, что разбиться —
гуманней, по крайней мере,
чем, сидя на тротуаре,
морозить ночами пальцы
и чьей-то чужой гитаре
шептать, что пришла сдаваться.

Когда умирают птицы
(так часто совсем нелепо),
мне хочется застрелиться
под синим-пресиним небом.
Но вместо ружья — гитара,
и струны её смеются,
а птицы о тротуары
под каждую песню бьются.

Сумасшедшая тишина

Я привыкаю к молчанию в узких стенах.
Тишина паутиной спускается с потолка.
Тишина наполняет зал,
Тишины уже по колено.
Она до меня доберётся.
Доберётся наверняка.

Сядет напротив и будет сидеть как дома,
Руку свою протянет, погладит по голове.
К тишине не бываешь хоть сколько-нибудь готова,
Тишина не оставит звуков, ни слова не скажет тебе.

Не будет бесед до утра, шуток или скандалов —
Только глаза в глаза. У неё сумасшедший взгляд,
Волосы не расчёсаны,
Замёрзла или устала.
Или и то и то.
Счастливые не молчат.

Счастливые не смеются улыбкой кривой с оскалом,
Не гладят себя при этом, не бьют кулаками пол,
Не сидят на полу холодном с полупустым бокалом,
Не ждут до полпервого ночи, чтобы хоть кто-то пришёл,
Чтобы хоть кто-то открыл эту дверь ключами,
Закурил на балконе, в вазу поставил цветов,
А потом восхитился
Этими же цветами.
К тишине не бываешь
Хоть сколько-нибудь готов.

Огромный кит

Я ношу в себе килограммы
Робкой нежности и бронхит,
Под рубашкой моей пижамы
Вместо сердца огромный кит.
Под рубашкой моей пижамы
Корабли выбирают путь.
Под рубашкой моей пижамы
Можно запросто утонуть.
Я ношу в себе дым и слякоть,
Эту осень и ту весну.
И стараюсь чуть меньше плакать,
Перед тем как почти усну.
Я стараюсь, но всё напрасно:
Этих слёз во мне — океан.
Я люблю проходить на красный,
Не коситься по сторонам.
Я под мышкой ношу тревогу:
Ей без света совсем темно.
Корабли плывут к водостоку —
Он ведёт прямиком на дно.
Мой бронхит затаилсЯ сбоку:
Ему страшно,
Киту — вдвойне:
Под пижамою — осьминог.
Он душит, душит их всех во мне.

Лицом к лицу

Привет, как дела? Ты снова ко мне за стол?
Что-то случилось? Год ведь уже прошёл
с тех пор, как бросила на кровать отца
и тихо шептала: «Это конец конца».
И тихо шептала, что он от меня уйдёт,
а я говорила: «Лучше закрой свой рот».

А я говорила: «Его тебе не отдам.
Зачем ты ходишь без спроса к чужим отцам?
Ему ещё внуков нянчить и строить дом,
ты погоди лет двадцать, зайди потом».
Но ты говоришь, что сегодня мы допоздна,
что дел больше нет и я у тебя одна.
И ты говоришь, что сегодня не за отцом,
и смотришь,
смотришь,
смотришь
в моё лицо.

Здесь обо мне, немного о тебе,
много про нас

Сегодня мы потерялись с тобой:
Ты сам в себе, я в других — так проще.
Пока я в омуте с головой,
Ты где-то мимо идёшь на ощупь.

Пока я пью молоко на ужин,
Стреляю в тире, смотрю на горы,
Ты помни: если почти разрушен,
Спасают люди и разговоры.

Спасает часть одного куплета,
Хороший фильм и сюжет без драмы,
Полчашки кофе и сигарета,
Один обычный звонок от мамы.

Спасают с кем-то родным рассветы,
Холодный душ и пробежки в парке,
Спасают купленные билеты...

Спасает мысль, что ты в порядке.

Не про цветы

Недосмотрела, недописала, недолубила.
Я бы к тебе ходила по тусклым могильным цветам.
Но я не могу поверить, никак не могу поверить,
Что я продолжаю тут, а ты остаёшься там.

Помнишь, я говорила? Помнишь? А я говорила:
«Я тебя не отдам. Я тебя не предаю.

Я без тебя не буду ходить по живым цветам».

Потому что они ручные, душистые, полевые,
Живые-живые-живые... И тянутся к небесам.

А ты уже дотянулся. И не похож на ручного,
Душистого, полевого и, в общем-то, на живого.
Совсем. Совсем не похож.

И руки теперь — фиалки, и вместо ключиц — две розы,
И ноги теперь — не ноги, а стебли в коротких шипах.
А я бы к тебе ходила.

А я бы тебя любила,
Но каждый мой шаг — могила
В огромных живых цветах.